

УДК 316. 93

Историческая память в современной России: проблемы трансформации

© 2007 В. В. Лыкова

*доцент кафедры социологии и политологии,
кандидат философских наук, доцент
e-mail: tinalykova@mail.ru*

Курский государственный университет

В статье рассматриваются причины актуализации в современном обществе проблем социальной и исторической памяти, концептуализируется различие между ними. Выявляется структура, способ функционирования и механизмы динамики исторической памяти в трансформируемых обществах. Рассматриваются особенности, проблемы и противоречия исторической памяти россиян, связанные с опасностью темпорального растворения личности и потерей идентичности, анализируется динамика процессов конструкции и деконструкции в системе представлений о прошлом, настоящем и будущем.

Современные динамично и проективно меняющиеся общества актуализируют проблемы накопления и использования социального опыта. Конструирующая роль социального знания с неизбежностью ставит вопрос о способах его формирования, передачи и усвоения, а также о возможностях и пределах использования социального знания в процессе сознательного управления социальной реальностью. В результате развития социологической концепции знания становится ясно, что процесс аккумуляции знания о социальной реальности одновременно конструирует саму эту реальность, включая ее прошлое, настоящее и будущее. Зыбкий, подвижный, непрерывный процесс означивания и переозначивания как настоящего, так и прошлого является сравнительно новым явлением. Мы живем в эпоху не только непредсказуемого будущего, настоящего, но и, что достаточно непривычно, прошлого.

Факт ускорения в цивилизационном развитии не требует доказательств, важнее описать структурные изменения социокультурного опыта, происходящие под его влиянием. Во-первых, эволюционная динамика вызывает небывалый рост «реликтов цивилизации» (устаревших форм опыта, образов мира, норм и стереотипов поведения), что резко увеличивает объем недавнего прошлого, которое не годится для современного использования. Это уже не процесс, длящийся поколениями, а ощущаемая современниками утрата структур прошлого опыта. Люди начинают консервативно реагировать на ускорение прогресса, пытаясь «укорениться», ментально замедлиться, проследившая связь истоков с современностью.

Акцент на прошлом в разных социокультурных условиях порождает не только такие неоднозначные социальные явления, как всплеск традиционализма и патриархальности, но и сравнительно недавно оформившийся «структурный консерватизм» [Люббе 1994: 106]. Этот консерватизм не имеет ничего общего с традиционными политико-идеологическими консерватизмами, ориентированными на консервацию старых элементов в интересах существующих социальных групп. Речь идет скорее о таком консерватизме, который ищет основания социальной стабильности (при принципиальном оправдании происходящего) в исторической легитимации современности, поиске ее генетических корней. Г. Люббе полагает, что, мы начинаем отстаивать его тогда, когда нам становится ясно, что опасности, связанные с

замедлением прогресса, менее серьезны, чем тяжелые последствия уже осуществившегося.

Во-вторых, растущая скорость прогресса вызывает структурные изменения в отношении к будущему. Расширение сферы технологической и социальной активности приводит к тому, что все большие пространства будущего подвергаются идеологическому, политическому и деловому проектированию. Одновременно с этим все меньше становится уверенность в том, что будущие действия людей будут определяться в соответствии с сегодняшними нормами и оценками.

Вовлечение будущего в сферу сегодняшних действий и решений происходит еще и потому, что информационная перенасыщенность современного общества требует уже сегодня жесткого отбора того, что будет передано будущему. Из-за невозможности сохранить такие большие объемы информации социальные институты и отдельные лица вынуждены уже сегодня решить, что следует знать о них будущим поколениям. Потребность в сохранении как можно большего объема социальной информации осуществляется через компенсаторные механизмы нарастания произвольных предпочтений, индивидуализации и специализации. Тем самым, например, значительно повышается значимость «неотредактированных историй» – индивидуальных, локальных, маргинальных, устных и т.п.

В-третьих, возникает потребность отбора таких фактов, событий, институтов, которые обладают высокой сопротивляемостью устареванию. Это классика, традиции, верования, мифология, религия, которые устаревают не так резко, как менее старое. Сохранение неких «нетленных» элементов есть потребность массового сознания, на которую специалисты социокультурного знания откликаются проектированием «мест памяти» (М. Хабльвакс, П. Нора).

По мнению Г. Люббе, в современных, динамических обществах происходит сокращение настоящего, то есть сокращается хронологическое расстояние до того прошлого, ставшего чуждым, а также прогрессирующее уменьшение числа лет в будущем. Короче говоря, сокращение настоящего – это процесс укорачивания временных интервалов, в которых мы можем рассчитывать на определенное постоянство наших жизненных отношений. В условиях сокращения настоящего усиливается потребность людей в восстановлении связи между настоящим и расширяющимся прошлым, компенсируя, таким образом, опасность темпорального растворения личности [Люббе 1994: 108].

Задача конструирования прошлого с целью объяснить или изменить настоящее, тем самым воздействуя на будущее, остается востребованной и решается в разработке новых понятий, в том числе и социальной памяти.. Открытый в начале XX века концепт социальной памяти вновь актуализируется в 80-е годы XX века, что связано с формированием и функционированием нового современного общества и новой роли знания в этом процессе.

Многозначность социальной памяти как явления - процесса анализируется множеством социальных наук и выражается в разнообразной терминологии. Помимо «социальной памяти» выделяется «культурная память» (исследуемая, прежде всего культурологами), «коллективная память» (переживаемый и осмысленный общий опыт совместного проживания), «индивидуальная память» (репрезентированный опыт), «историческая память» и т.д.

Нас интересует анализ соотношения концептов социальной и исторической памяти, так как именно в конце прошлого века вызывает интерес не только в целом проблематика социальной памяти, но и формулируется понятие исторической памяти

как возможности конструирования разнообразных картин репрезентации прошлого. В современных обществах по причинам, которые мы уже отмечали выше, историческая память оказалась весьма существенной характеристикой образа жизни людей, во многом определявшей их намерения, настроения, поведение, опосредованно оказывавшей весьма мощное влияние на их сознание, тем самым предопределяя характер и методы решения общественных проблем.

Необходимость трактовки этого социального феномена потребовала как теоретического обоснования, так и эмпирических интерпретаций. Как историки (П. Хаттон, И. М. Савельева), так и социологи (Ж. Т. Тощенко) разграничивают понятие «историческая память» и «историческое сознание». Историческая память, в отличие от исторического сознания, актуализирована (реалиями настоящего и будущего) и избирательна. В кризисных ситуациях историческая память нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения людей в данный период времени.

Историческая память, несмотря на определенную неполноту, обладает все же удивительной особенностью – удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого, вплоть до превращения исторического знания в различные формы мировоззренческого восприятия прошлого опыта, его фиксации в коллективном бессознательном (мифах, преданиях, легендах).

И наконец, следует отметить такую особенность исторической памяти, как гиперболизация, преувеличение отдельных моментов исторического прошлого (чаще всего недавнего), поэтому историческая память не может претендовать на прямое, системное отражение исторического прошлого. Подобная «историческая асимметрия» весьма огорчает историков, которые отказывают подобным интерпретациям в научности, но чрезвычайно интересна социологам, ибо свидетельствует о социальном заказе (осознанном или неосознанном).

Историческая память как символическая репрезентация прошлого, как идеальная реальность объединяет в себе различные виды знания: не только научное (прежде всего, историческое), но и религиозное, идеологическое, искусство, обыденное знание. Субъекты истории (индивид или группа) проводят операции с прошлым в соответствии со своими ценностными ориентациями, социальным статусом или социальной ролью¹, тем самым конструируя некую непротиворечивую и позитивную (для себя) целостность. Как правило, исследователи определяют историческую науку каркасом исторической памяти, но механизм взаимодействия значительно сложнее. Прежде всего, профессиональное историческое знание есть отражение (в значительной степени) исторической картины политически господствующих групп, именно поэтому многие авторы (начиная с постмодернистов) определяют историю как «официальную память» [Хаттон 2003: 48]. Однако естественная множественность форм памяти не может ограничиться одной версией прошлого, даже в так называемых тоталитарных обществах существует тайная история и «контрпамять» (М. Фуко). Следовательно, существование множественности репрезентаций прошлого, как и конфликт между ними является универсальным явлением. Проблема здесь в создании компромиссного варианта при участии доминантного субъекта (чаще всего это идеологически

¹ Всероссийское исследование «Историческое сознание: состояние, тенденции развития в условиях перестройки» (май-июнь 1990 г.), опрос 1996 г. Российского независимого института социальных и национальных проблем, Исследования ВЦИОМ 1998 г. и др.

господствующие группы), с которым другие участники диалога должны «примирить» картины прошлого.

Одним из механизмов примирения с прошлым в позитивном смысле слова является расширение границ памяти, в том числе за счет включения альтернативной информации о прошлом. Как правило, в условиях травмированной памяти процесс примирения с прошлым связан с исчезновением живых свидетелей и участников исторических событий. При этом используется чувство эмоциональной сопричастности, для своих – эмоциональная связь с «предками», для «чужих» – акцент на сострадание, на жертвы и потери участников «неправильного» прошлого. Именно так описывают ситуацию «преодоления прошлого» современные историки Х. Кон, Ш. Требст, Я. Гросс, Н. Фрай и др.

В сегодняшней исторической памяти как россиян, так и граждан постсоветских государств, и даже в целом Восточной Европы, советское прошлое в различных версиях присутствует в качестве неизбежного, а иногда центрального элемента структурирования памяти. Реакция отторжения всего советского прошлого (при распространении чувства вины в целом на всю историю России и русских), господствующая последние двадцать лет в «официальной памяти», по данным социологических опросов¹, не стала определяющей в общественном сознании, особенно россиян. Мы наблюдаем, на наш взгляд, явления обратного воздействия массового исторического сознания на профессионалов истории и идеологию властвующих политических групп. На наличие подобных процессов указывают отечественные историки: «Ученое знание, оказывая определяющее влияние на ... представления о прошлом, само испытывает воздействие массовых стереотипов» [Феномен прошлого 2005: 9]. Хотя, безусловно, исследования процессов трансформации исторической памяти в современной России надо уточнять, используя данные по кросскультурным исследованиям этого явления на постсоветском пространстве.

Если историков интересует в первую очередь, как соотносятся историческое знание и массовые знания о прошлом / историческая память, то социологов – весь комплекс самых разных видов знания, на основе которых складываются «коллективные представления» о прошлом.

Итак, хотя в современных обществах история является каркасом исторической памяти, рядовой человек черпает свои знания и из обыденного знания (например, в семье), из искусства (преимущественно массового), в религиозных учениях, идеологических построениях, политической практике. Весь этот подвижный, эклектичный, и даже зачастую противоречивый, мир исторических образов структурируется на основе базовых ценностных ориентаций, исходя из представляемых историческим субъектом потребностей настоящего и особенно будущего. Тема репрезентации прошлого и выработки знаний о прошлом, генезиса, структуры, социального функционирования и механизмов замещения коллективных представлений, концептуальных схем и идеологических мифов, определяющих историческую память, становится актуальной во всех современных обществах.

Но особенную значимость тема исторической памяти приобретает в условиях трансформирующихся обществ, и особенно в России. Социологи (Ж. Т. Тощенко, В. И. Меркушин др.) отмечают, что, невзирая на многочисленные официальные и неофициальные попытки пересмотреть историю современной России, в исторической памяти россиян продолжают сохраняться порядок наиболее значительных событий, оценки (с некоторыми модификациями) исторических лиц и базовый перечень

памятных мест [Тощенко 2000: 4]. Таким образом, исследователями фиксируется устойчивость структур исторической памяти как процесс сохранения национальной и цивилизационной самобытности россиян, несмотря на действительно очень сложный, противоречивый, трагический опыт исторического развития России. Хотя как эти авторы, так и другие (например, И. А. Климов) отмечают большое количество проблем, «болевых точек», связанных с советской историей. Новая, альтернативная, и часто негативная, информация о советском прошлом пока еще с трудом встраивается в представления россиян о себе. Пока ни ученые, ни политики не могут обозначить символические фигуры и объяснительные схемы «связи времен» (в том числе, и особенно, советского прошлого), которые были бы приняты общественным сознанием [Климов 2004: 2].

Понять процесс и механизмы формирования и функционирования исторической памяти в конкретных условиях и конкретной стране возможно лишь при теоретическом анализе этого концепта, тем более что и сегодня часть исследователей, особенно историков, скептически относятся к его методологической ценности и востребованности (например, А. В. Полетаев и А. М. Руткевич).

Общепринятого определения исторической памяти еще не выработано, это понятие по-разному интерпретируется отдельными авторами. Немецкий историк Й. Рюзен, известный своими исследованиями в области исторической памяти, предполагает, что «историческая память выступает, с одной стороны, как ментальная способность субъектов сохранять воспоминания о пережитом, которые являются необходимой основой для выработки исторического сознания... С другой – как результат определенных смыслообразующих операций по упорядочиванию воспоминаний... путем осмысления пережитого опыта» [Рюзен 2001: 9].

Иногда историческую память трактуют как совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют как на индивидуальном уровне (со всем богатством эмоционального спектра), так и на уровне массового знания о прошлой социальной реальности, которое принимают порой за содержание исторической памяти. Можно встретить версии, когда ее позиционируют как опорные пункты массового сознания о прошлом, как минимальный набор образов исторических событий и исторических личностей.

В анализе исторической памяти наблюдается большое разнообразие подходов и определений, начатое с «больших имен» – З. Фрейда, Х.-Г. Гадамера, М. Хайдеггера – и продолженное современными западными исследователями – П. Хаттон, П. Нора, Й. Рюзен, С. Московичи, российскими – В. В. Нурковой, И. М. Савельевой, А. В. Полетаева и др.

Как неоднократно подчеркивает П. Хаттон, понятие «историческая память» начинает активно обсуждаться в связи с укоренением постмодернистского тезиса о навязывании обществу «буржуазной картины мира» путем конструирования «нужных традиций» в официальной памяти общества (Р. Барт, Ю. Кристенева, Ж. Деррида и др.). Однако вновь усилившийся интерес к изучению механизмов идеологического воздействия на способы хранения и передачи социального опыта вызван не только эпистемологическими предпосылками, но и социальной практикой современных обществ с их возможностями сознательного управления конструированием социальной реальности. Исследователи (А. Турен, П. Хаттон, Г. Люббе и др.) считают, что можно говорить о беспрецедентной историчности современной цивилизации.

Память о прошлом (историческая память) обычно рассматривается в нескольких аспектах: в индивидуально-психологическом, в аспекте коллективной или культурной памяти.

Индивидуальная память включает в себя все, что связано с субъективным восприятием исторических фактов, явлений, событий, которые реставрируются в образы (презентации) исторической эпохи. Однако и в индивидуальной памяти существуют социально признанные знания («социальные рамки памяти» М. Хальбвакса), которые оказывают значительное, порой определяющее, влияние на историческую память индивида. Степень влияния определяется не только личностными особенностями, но и той социальной ролью, которую человек выбирает в качестве исторического субъекта: участник, свидетель, современник, наследник, интерпретатор (профессионал). В зависимости от степени и уровня «исторического горизонта», индивидуальная (персональная) историческая память может не выходить за рамки коллективной, быть уже коллективной и в каких-то аспектах шире коллективной – в этом случае возможна корректировка последней и даже смена взгляда на характер события или эпохи.

Коллективная память содержательно связана с отрефлексированным опытом совместной жизни той или иной группы (поколения, национальной группы, жителей города и т.д.). В памяти людей вырабатываются и остаются общие ценности, паттерны, стереотипы, типичные истории поведения. Возможно как спонтанное, так и целенаправленное проникновение в коллективную память изображений, образов, интерпретаций, как реальных, так и вымышленных (сконструированных). Исследователи определяют целенаправленные операции как «политику памяти», уже М. Хальбвакс (1925), одним из первых в XX веке, показал, как легко образами памяти можно манипулировать, сокращая тем самым плюрализм прошлого, а следовательно, настоящего и будущего [Хальбвакс 1925: 459].

Манипуляции осуществляются в первую очередь через историю, особенно новейшую. Французский историк П. Нора отмечает, что новейшая история пыталась овладеть коллективной памятью, в результате изменилась не только память, но и история. Экспрессивная коллективная память устной традиции (привычки, обычаи, народная мудрость, которая неосознанно передается от поколения к поколению) казалось бы, уступила место интроспективной личной памяти письменной культуры (американский историк культуры Уолтер Дж. Онг 1982), но именно информационная эпоха создает возможности для ее сохранения и возрождения. Так, Я. Ассман выделяет две формы коллективной памяти: коммуникативную и культурную [Ассман 2004: 52–54].

Коммуникативная – воспоминания, связанные с недавним прошлым, так называемая «память поколения», или «живая память», или «история снизу», она распространяется на 40–80 лет, и сейчас активно исследуется социологами, историками и фиксируется как «Oral History».

Культурная память – не фактическая, а воссоздаваемая в символических фигурах, прежде всего мифах. Мифы создают обоснованную историю, дают возможность объяснить настоящее из прошлого. Через воспоминание история становится мифом, это не делает ее нереальной, напротив – только так она становится социальной реальностью в смысле нормативной и формирующей силы. Причастность к культурной памяти всегда дифференцирована и имеет особых носителей (поэтов, философов, историков, политиков – лиц, имеющих высокий социальный статус). Культурная память не распространяется сама собою, а нуждается в специальных

механизмах и институтах трансляции, и следовательно, за ней осуществляется контроль через государственную и иную (влиятельные социальные группы) политику.

Таким образом, нарастание интереса к проблемам и роли социальной, в том числе исторической, памяти связано с особенностями современного общества, его проективным, динамичным, плюралистичным и индивидуализированным характером. Понимание, что именно социальная память является не только стабилизирующим, интегрирующим, но и инновационным фактором в процессе общественных изменений, требует глубокого анализа структуры, социального функционирования и механизмов динамики социальной памяти, а также необходимости концептуализировать различие между социальной и исторической памятью. Историческая память тесно связана с рационализацией, идеологизацией и политизацией исторического процесса, ее значимость резко возрастает в условиях трансформируемого общества, когда именно коллективные представления определяют исторический выбор.

Библиографический список

- Ассман, Я. Культурная память / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 52–54.
- Климов, И. А. Исторические знания и проблема идентичности / И. А. Климов // http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=\24238/
- Люббе Г. В ногу со временем : О сокращении нашего пребывания в настоящем / Г. Люббе // Вопросы философии. – 1994. – №4. – С. 106–108.
- Рюзен, Й. Утрачивая последовательность истории : (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) / Й. Рюзен // Диалог со временем. – 2001. – Вып. 7. – С. 9.
- Тощенко, Ж. Т. Историческое сознание и историческая память : анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 4.
- Хальбвакс, М. Социальные классы и морфология. – СПб. : Алетейя, 2000. – С. 459.
- Феномен прошлого / отв. ред. И. М.Савельева, А. В.Полетаев. – М., 2005. – С. 9.